

Дмитрий САВЕЛЬЕВ, протоиерей

ДЕРЕВЕНСКАЯ И ПОЧВЕННИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА



На родной земле.
Фото Владимира Ламзина

Этому вопросу с личными субъективными мнениями собеседников. Как литератор и профессиональный журналист, Сергей подготовил соответствующие теоретические положения и цитаты из литературно-критических статей, посвященных деревенской прозе. Остальные присутствующие «дилетанты» очень живо на это представление темы реагировали. Не буду говорить за других, изложу только мое мнение.

Настоящий текст инициирован дискуссией на тему «Деревенская проза», состоявшейся в литературной студии при ульяновской библиотеке №8. На заседание я попал по приглашению Дмитрия Сергеева, моего давнего знакомого по Владимирскому приходу, за что ему спасибо. Мне показалось полезным зафиксировать то, что подумалось и сказалось в этом разговоре. Зафиксировать, прежде всего, для себя, ну и для других, если кому-то будет интересно.

Никогда не считал себя специалистом в области художественной литературы. Но как человек, что-то в жизни прочитавший, могу позволить себе высказать несколько мыслей о ней, так сказать, на любительском уровне. Тем более, что модератор дискуссии журналист Сергей Гогин организовал ее именно как встречу устоявшихся научных позиций по

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖАНРА

ЖАНР в любом виде искусства выделяется тогда, когда появляется ряд произведений, явно объединяющихся в одну группу по некоторым очевидным для публики содержательно-формальным признакам и идейно-тематической направленности. Причем эти критерии позволяют с одинаковой определенностью как объединять произведения в одну группу, так и различать их от других авторских работ этого же вида искусства, относящихся к другим жанрам и направлениям. Следует согласиться с оценками профессионалов в том, что жанр или направление деревенской прозы, в русской литературе сложился и уверенно «диагностируется».

Если рассуждать логически, «деревенское» может быть выделено из более широкого контекста только в противоположность с чем-то «городским». В содержании произведений обозначается противоположность двух противостоящих друг другу миров: ГОРОДА и ДЕРЕВНИ. Причем ДЕРЕВНЯ описывается широко и подробно как что-то родное автору и героям, а ГОРОД противопоставляется этому доброму миру в виде какого-то чуждого и порой враждебного начала. Специфическое отличие этих двух миров друг от друга заключается в том, что в деревне производственная, общественная, хозяй-

ственная, семейная, личная и всякая другая стороны жизни людей связаны с природными условиями и циклами, а в городе не связаны. Это отличие определяет отличие личных качеств, характеров, жизненных смыслов и прочих особенностей жителей города и деревни. В литературе показываются драматические столкновения этих двух различных начал в судьбах жителей деревни, выразителями чувств, мнений и позиций которых выступают писатели-деревенщики. Если бы этой внешней роковой силы ГОРОДА в их жизни не было, не имело бы смысла выделять отдельного жанра литературы и творчески его разрабатывать.

2. РУССО – РОМАНТИК ПЕРВОБЫТНОЙ ПРОСТОТЫ

В числе, может быть, не первых, но очень четко сформулированных примеров противопоставления двух названных начал, правда, не в литературе, а в обществоведении можно назвать позицию Ж.Ж. Руссо. Эта позиция выражена им в его трактатах, в особенности в «Рассуждении о науках и искусствах». Руссо противопоставляет «естественного» (первобытного, деревенского) человека и человека цивилизованного, городского. По мнению

Руссо, естественный человек не испорчен и почти свят. В противоположность ему городской человек может быть назван человеком искусственным. Он прешен и испорчен в результате разращения плодами цивилизации, в число которых входят, в частности, науки и искусства. Эта теоретическая декларация со временем нашла свое художественное воплощение. Во многих произведениях литературы, музыки и других искусств XVIII–XIX веков присутствуют «простодушные пейзажи» и сцены сельской идиллии.

Очевидно, что обращение к сельской и народной теме связано у мыслителей и художников с поиском какого-то общественного и эстетического идеала. В качестве возражения можно отметить, что совершенство «естественного человека» Руссо – это совершенство «нуля». У первобытного человека ничего нет: ни экономики, ни политики, ни хозяйства, ни культуры. Про то, что есть, можно сказать что-то конкретное и даже критическое, а «на нет и суда нет». Со временем освежающий эффект сельской идиллии в западной литературе исчерпался. А.С. Пушкин в «Барышне-крестьянке» подает эту тему уже в забавно-иронической форме, то есть как пародию на давно изжившую себя привычную сюжетную фабулу. Одним из неожиданных вариантов «святой простоты» почти по Руссо стал образ Маугли у Киплинга. Это тоже идеальный «естественный человек», выросший в дикой природе. Но именно на примере Маугли особенно ясно виден сказочный, утопический характер этого образа.

3. РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ И ПРОБЛЕМА НАРОДНОСТИ

В спорах русских славянофилов и западников XIX века о путях развития России проблема народа и «народности» как особого качества человека ставилась очень остро. Эти споры можно попытаться осмыслить и как специфический разворот темы противоречия города и деревни. Но если Руссо пользовался образом «естественного человека» для демонстрации противоречия дикости и цивилизации, то «народность» в представлении русских славянофилов олицетворяла уже нечто иное – традицию и консерватизм. Противоречие между городом и деревней славянофилы рассматривали как противоположность инновации и традиции или противоположность модернизма и консерватизма. По сравнению с Руссо славянофилы сделали шаг вперед в понимании народности. Простой народ у них – это не «естественный человек» Руссо, не «табула rasa», а некое культурное своеобразие – культурная почва. Но почва сама по себе это еще только чистая потенция, нереализованная возможность. На этой почве вырастают цветы и плоды культуры, воплощаемые в более или менее совершенных формах. Воплощаются они, конечно, в городе, ведь деревня, если не совсем бессловесна, то интеллектуально очень мало развита, косноязычна. Да и не до того ей, занятой в первую очередь проблемой выживания.

Одна из продуктивных идей славянофилов заключалась в опасении, что названные плоды и цветы культуры могут оказаться ядовитыми сорняками, чуждыми самой почве, на которой они выросли. Этот духовный отрыв от своего народа интеллиген-

ция начала переживать очень остро. Чацкий в «Горе от ума» мечтает, «чтоб умный, бодрый наш народ хотя б по языку нас не считал за немцев». В простом народе (почве) национальный идеал, то есть соответствие неким фундаментальным основам национального бытия содержится в скрытом виде. Задача интеллигенции состоит в том, чтобы раскрыть, эксплицировать его. Вспомним горячий интерес образованных людей XIX века к народной культуре. Национальный композитор Михаил Глинка выразил это явление в чеканной формулировке: «Музыку создает народ, а композитор ее только аранжирует».

Проблемой русских славянофилов стало то, что они могли выразить только дворянский взгляд на народную жизнь. Это взгляд из окон помещичьей усадьбы на бедные крестьянские дворы. Даже если это взгляд сочувствующий, он все-таки достаточно отстраненный. Помещик, которого кормят и обеспечивают крепостные крестьяне, не может разделить с ними жизнь во всех ее деталях и подробностях. У Аксакова очень хорошо получилось написать «Детские годы Багрова внука». Но, например, молодого Гоголя, в книгах которого народный дух просто кипит и фонтанирует, старшие славянофилы как-то умудрились не заметить.

4. ОТ ДВОРЯНСКОГО НАРОДНИЧЕСТВА К МОДЕРНИЗМУ БОЛЬШЕВИКОВ

Эта часть моих размышлений, кажется, уводит довольно далеко от вопросов литературы, в область истории и обществоведения, но без нее мысль на заданную тему у меня никак не складывается. Поэтому прошу немного терпения и продолжаю...

Славянофилы подняли общественный интерес к вопросу о простом народе, его положении, жизни и судьбе. Авторы «Современника» сделали эту тему своим знаменем. Например, Н. Некрасов стал знаменитым поэтическим печальником о народной доле. Это общественное идейное течение со временем дало свои практические результаты. Интеллигенция не в мечтах и сочувственных мыслях только, а на самом деле пошла в народ. Главным открытием горожан, пришедших в деревню, стало понимание того, что народ вовсе не свят, не совершенен и не соответствует идеалам, вычитанным в прекрасных книгах. Но удивительный запас пассионарности, героического самопожертвования, имевшийся в этих людях, побудил их к подвигу. «Если народ не свят и не совершенен, нужно изменить сам народ», – решили они, отправляясь работать земскими врачами и учителями сельских школ. Ирония истории заключается в том, что движение народников, вызванное к жизни традиционалистами-славянофилами, на каком-то этапе идейно подчинили себе модернисты и западники – большевики. Они уже дерзали обращаться к народу от имени самого народа. Вознесенные волной народного признания и доверия, они перевернули русскую жизнь с ног на голову.

Потомкам старых народников-славянофилов осталось только ностальгировать по старине и оплакивать крушение прошлой жизни. Так Бунин грустил об антоновских яблоках в былых дворянских усадьбах, и ужасался окружающим его окаян-ным дням.

5. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕРЕВНЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.

БОЛЬШЕВИЗМ = МОДЕРНИЗМ В ГОРОДЕ + ФЕОДАЛИЗМ В ДЕРЕВНЕ.

Мы рассматриваем отражение отношений города и деревни в литературе очень широкими штрихами как бы с высоты птичьего полета. Полет оказался весьма сложным и прихотливым. Приходится пропускать множество персон, без которых, кажется, вообще немислим разговор о русской литературе. Мы пропускаем скромную по внешности, но титаническую по своему масштабу фигуру А.П. Чехова, который в своих книгах и пьесах выразил мироощущение городского интеллигента, соприкоснувшегося с жизнью простого народа. Мы проходим мимо «матерого человечища» Льва Толстого, названного «зеркалом русской революции». Он как художник глубоко понимал народную душу и как интеллигент пытался влиять на народ своим экзотическим и совершенно не соответствующим русскому духу толстовством. Мы совсем не упоминаем имен многих известных авторов, чье творчество явно связано с обсуждаемым вопросом. В оправдание могу только сказать, что я не делаю систематического изложения, а размышляю на заданную тему, произвольно подбирая интересные и доступные для меня примеры.

Итак, довоенная советская почвенническая литература главным образом изображает переживания народа, которого из капитализма насильственно возвращают обратно в феодализм, правда, приукрашенный идеологией Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Книги «Тихий Дон», «Поднятая целина» и множество других менее значительных рассказывают об эксцессах и душевных состояниях людей, возникающих в ходе этого насильственного возвращения.

Еще одна мысль о литературе этого времени связана не столько с деревней, сколько с народностью в целом.

Российская империя а позже советское государство – государство воюющее. «Если завтра война, если завтра в поход» – это вечный припев, сопровождающий почти все этапы советской жизни. Поэтому важной стороной раскрытия народного духа всегда было мучительное стремление деятелей искусства осознать и выразить отношение народа к войне. Они пытались не то чтобы ответить сами, но мистически угадать общий ответ народа на вопрос: «Вот эта конкретная война, народная или не народная»? Про Отечественную войну 1812 года этот ответ дал Л.Н. Толстой – народная война без всякого сомнения. Для подтверждения этой мысли в свою самую толстую книгу писатель включил ставший знаменитым монолог «про дубину». Первая мировая война 1914 – 1918 гг. убедительного ответа в литературе на этот вопрос не получила. Хотя очарованный странник у Лескова в конце книги очень хотел погибнуть на войне за Родину, но его мистический патриотизм питался, скорее, духом прежних балканских войн, чем прозревал будущую Первую мировую.

Гражданская война в действительно талантливых книгах – это, скорее, смута и братоубийство, скорее болезнь народной души, чем ее героический взлет. Хотя сборники красноармейских песен

гражданской войны полны бодрости и оптимизма, но сборники составляют победители и редактируют идеологические цензоры. Сейчас стали известны песни, которые пели солдаты и офицеры, воевавшие на противоположной стороне. Они не менее душевны, а по содержанию, кажется, даже более серьезные и глубокие. Но военные песни – это особый прикладной жанр, от которого нельзя требовать полной адекватности самовыражения. Великая Отечественная война в очередной раз поставила перед литературой свой вопрос, на который во многих книгах и на примерах многих сюжетов ответ был получен. Несмотря на то, что власть в стране «страшная» и часто не очень дружественная по отношению к народу, несмотря на все «ошибки» и «перегибы», эта война все-таки народная. Народ приносил себя в жертву для победы над врагом справедливо и «правильно».

6. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕРЕВНЯ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.

УРБАНИЗАЦИЯ – ПОДРЫВ ОСНОВ ПОЧВЕННОЧЕСТВА

Наконец-то я дошел до того периода и тех книг, которые и дали повод для обсуждения. Их авторы стали общеизвестными «хрестоматийными» классиками советской литературы: Солженицын, Распутин, Шукшин, Белов, Астафьев и иже с ними. Перечисляю их (понятно, что не всех) не в хронологическом и не в алфавитном порядке, а так, как рука написала. Какую же народную мысль вычитываем мы из этих книг?

Несмотря на пестроту, своеобразие и внешнюю красочность жизни, деревня в общем и целом – область страдательная. В ней есть какая-то народная правда, достойная выражения, внимания и уважения, но жизненных сил в деревне гораздо меньше, чем в городе. По взгляду из деревни, исторические «дрожжи», источники развития, богатства, преобразований находятся именно во внешнем мире, то есть в городе, а не таятся где-то в глубинах народного бытия. Оттуда, из внешнего чуждого городского мира, исходит под видом хороших вещей, украшенных лозунгами «прогресса» или «культуры», онтологическое зло, неизбежно наступающее на деревенскую старину. Сельский народ не лишен личных недостатков, но хорош по какой-то своей глубинной сущности, видимо, отражающей связь с крестьянским трудом и бессловесной природой. Однако, народ стареет и умирает. Порой эта смерть насильственно ускоряется наступлением «города». Особенно ярко эта тенденция иллюстрируется в книге В. Распутина «Прощание с Матерой». Кто-то из критиков справедливо заметил, что деревенская тема в литературе – всегда тема трагическая.

Особняком среди названных мною авторов стоит Василий Шукшин. В его картинах деревенской жизни всегда присутствует некоторая «стереоскопичность». С одной стороны, этот писатель действительно – человек деревни, хорошо знающий, что думают и чувствуют его герои. С другой стороны, он в такой же степени – человек города, кинематографист, режиссер, принадлежащий к творческой элите и богеме. В отличие от своих героев Шукшин не боится города, а свободно живет в нем. Так же остро, как деревенскую жизнь, он видит



Крестный ход. Фото Владимира Ламзина

не только достоинства, но и ограниченность, и «нищету» городского мира. В его рассказах ясно ощущается ирония и над тем, и над другим. Перефразируя пушкинского Сальери, творческий взгляд Шукшина на его героев можно выразить словами: «Нет правды на селе, но правды нет и... в городе».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, разумеется, не обсуждение темы, а только собственное высказывание, хочу повторить или заново сформулировать некоторые стоящие в основе разговора вопросы. И соответственно, попытаться ответить на них.

Отвечает ли деревенская и почвенническая литература на вопрос о том, что такое сегодня «народ» и «народность» как его некое системное качество?

Нет, не отвечает. Деревенская литература представляет народную жизнь в ее конкретных исторических формах – формах жизни людей, занятых сельскохозяйственным трудом в России в разные периоды XX века. Тенденции урбанизации, то есть роста городов и сокращения деревенского населения, изменяют и характер сельского труда, и образ деревенской жизни. В настоящее время к понятию «народ» следует отнести в том числе и жителей мегаполисов, и население малых городов, райцентров и т.п. Сельские жители занимают в составе населения не самую значительную долю.

Являются ли сельские жители специфическими эксклюзивными носителями народного духа?

По моему скромному мнению, не являются. Раз народ состоит не только из сельских тружеников, то и носителями народного духа наряду с селянами являются рабочие, служащие, техническая и творческая интеллигенция, частные предприниматели, «офисный планктон», пенсионеры, школьники, студенты и все остальные представители нашего общества.

В чем выражается этот народный дух?

Народный дух выражается в общем языке, истории, культуре, религиозной вере, образе жизни, общих интересах, исторической судьбе и много в чем еще. Народ во всех своих социально-профессиональных разновидностях просто живет, процветает или «влачит существование», складывает как получается свою не всегда ясно осознанную челове-

ческую жизнь. Народный дух – это идеальное выражение того, что связывает каждое индивидуальное бытие в общую народную жизнь.

Является ли «почвенность» синонимом «деревенскости»?

Нет не является. «Почва» – это любой субстрат народного духа, любое непосредственное бытие людей как в деревне, так и в городе. Непосредственное бытие народа часто (или как правило) недостаточно осознано. А интеллигенция эти коренящиеся в «почве» содержания народной души рефлексировать, выговаривает, артикулирует и порой выражает их в совершенной художественной форме.

Может ли существовать «народность» как особое духовное качество, о котором писали славянофилы, в отрыве от национальности?

Нет не может. Национальность, и в частности национальный язык, – одна из необходимых форм бытия человека. Потерял национальность – потерял бытие. Физическое существование может еще продолжаться, но совершенно непонятно в каком духовном качестве и статусе. Уехал в эмиграцию с целью адаптироваться на новом месте – перестал быть русским. Но немцем или, например, евреем тоже не стал. Кто ты после этого? Беженец без рода и племени, существо, оторвавшееся от одних корней и не приросшее к другим.

В чем правда деревенской литературы или, если формулировать вопрос шире, в чем правда (правота) сельской жизненной позиции?

В сельском образе жизни правды нет. Он сложился естественным образом и исторически ограничен. Консервировать какие-то сложившиеся когда-то плодотворные формы бытия бессмысленно. Это внешняя материальная оболочка жизни. Она имеет временный характер. «Дух животворит, плоть не пользует нимало» (от Иоанна 6, 56). Правда народа заключается не в том, в каких внешних формах образа жизни он существует, а в том, для чего он ведет свое личное и историческое существование. Мы вновь пришли к вопросу о русской идее. Для меня нет сомнений в том, что эта идея выражается на христианском, и в частности на православном языке.

Но в сельской жизни могут также быть не всеобщие, а какие-нибудь частные «правды», имеющие значение перед лицом различных вызовов времени. Например...

1) Экологическая правда. Актуальность и ценность жизни в согласии с природой и природными ритмами перед лицом опасности безудержного техногенного и антропогенного вмешательства в природную среду.

2) Правда здорового консерватизма в условиях лавинообразного изменения общества и человека по сценариям постмодернизма и трансгуманизма.

Перед лицом названных и каких-нибудь других неназванных опасностей голос крестьянского здравого смысла может и должен быть услышан. И литература писателей-деревенщиков еще может приобрести свое настоящее значение и непридуманную актуальность.